

Информация

ВОЗВРАЩЕНИЕ К «БРОШЕННОМУ НАСЛЕДИЮ» (В.В. РОЗАНОВ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ)

29–31 мая 2006 года в Российской академии наук при участии МГУ им. М.В. Ломоносова, Российского государственного социального университета, Российского фонда культуры, Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова состоялась Международная конференция, посвященная 150-летию Василия Васильевича Розанова. В ее работе приняли участие более ста российских специалистов по творчеству писателя, а также – исследователи из Германии, Италии, Китая, США и Польши. Среди выступивших на конференции – академики РАН Ю.С. Пивоваров (ИНИОН), А.Б. Куделин (Институт мировой литературы им. А.М. Горького), А.А. Гусейнов (Институт философии РАН). Известный биограф В.В. Розанова А.Н. Николюкин обратил внимание на то, что «изучение Розанова – дело соборное». Объединение усилий философов, историков, литературоведов и политологов позволило охватить все наиболее актуальные аспекты духовного наследия выдающегося русского писателя. Подготовлена к изданию розановская энциклопедия (более 100 авторов).

Как объяснить столь необычное внимание гуманитариев к творчеству мыслителя-одиночки, не создавшего своей школы, явно не вписавшегося в ту или иную философскую традицию? Может быть, дело в том, что В.В. Розанов до сих пор являет собой поразительный пример бесстрашия в области мысли, захваченности страстным исканием истины без оглядки на какие-либо авторитеты? Подобно Ф. Ницше, он все еще остается опасным мыслителем современности, вынуждающим нас расставаться с жизненно необходимыми иллюзиями и предубеждениями. Когда-то власти (и светские, и духовные) болезненно реагировали на явление В.В. Розанова. Теперь они не замечают его, предпочитая хоронить «своих мертвецов». В.В. Розанов – вне идеологий. Этим и интересен для интеллектуалов.

Защищая национальную идентичность России, В.В. Розанов, по наблюдениям Л.В. Скворцова и В.А. Фатеева, обнаруживал кажущуюся противоречивость взглядов, то поддерживая крайнее славянофильство, то вставая на сторону врагов славянофильства. Это – не проявление беспринципности, а писательский прием, способ постановки проблемы. По мнению Йоахима Деца (Польша), В.В. Розанов как политический мыслитель все же был консерватором славянофильского типа. В самом деле, вспомним хотя бы его статьи в защиту «молодых московских славянофилов» (П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого и др.) от нападок Н.А. Бердяева. По словам Я.В. Сарычева, В.В. Розанов стоял на платформе консервативной революции.

Райнер Грюбель (ФРГ) привлек внимание участников конференции к культурософской схеме Розанова, согласно которой борющиеся в ми-

ровой истории экстравертная культура арийцев и интровертная культура семитов должны соединиться в синтетической культуре русского народа. Ей и будет принадлежать будущее. Разговор о розановской трактовке «русской идеи» продолжили *М.А. Маслин, Н.В. Солнцев, А.Н. Волкова* и *А.В. Савка. Г.П. Отюцкий* коснулся вопроса о соотношении русской и еврейской культур в творчестве В.В. Розанова, о его колебаниях между юдофильством и юдофобством.

В.Л. Махлин увидел в В.В. Розанове предтечу филологического (герменевтического) поворота в философии в 60-е годы XX века, продолжателя дела главного русского философа – «нефилософа Достоевского». По словам докладчика, самым глубоким истолкователем В.В. Розанова был М.М. Пришвин, отметивший, что, как и Ф. Ницше, В.В. Розанов оторвал себя от традиции, чтобы вернуться к ее первоисточку. Это – деструкция, по М. Хайдеггеру. О розановских поисках «основ личной герменевтики» говорила также *Джованна Спендель* (Италия). *И.Л. Волгин* напомнил о духовной близости В.В. Розанова Ф.М. Достоевскому. «Дневник писателя» был настольной книгой В.В. Розанова. Его «Опавшие листья» – литературно оформленный поток сознания, «Апокалипсис нашего времени» – моножурнал, как и «Дневник писателя». В этих произведениях происходит не столько «разрушение литературы», сколько открытие ее новых граней, «эстетизация идеологий». Об эстетическом подходе В.В. Розанова к собственному мышлению рассуждал и *М.Н. Громов*. В.В. Розанов был продолжателем рукописного, исповеднического творчества на Руси с характерным для нее синтезом филологии, философии и богословия.

В.В. Розанов – самый яркий пример несистематичности русской философской мысли, отметила *И.С. Андреева*. Его философия – своего рода автобиография, выражение непрерывной борьбы с одиночеством, вызов культу телесности Серебряного века. Акт понимания у него, по наблюдению *И.С. Шилкиной*, алогичен. На особую музыкальность мышления В.В. Розанова указали в своих выступлениях *А.А. Бугров* и *К.Н. Костриков*.

Г.Д. Гачев акцентировал внимание на эвристичности розановского мышления, дающего «ростки идей», каждая из которых может стать основанием для построения оригинальной системы. Порвав силлогистическую последовательность рассуждений, В.В. Розанов жил, вникая в миги существования, фиксируя вспышки собственной мысли. Его «система» складывалась из уразумений смысла жизни на каждом ее конкретном этапе. В.В. Розанов – пытатель, догадчик, а не мыслитель, сказал *П.Е. Фокин*. До него не было такой «обнаженности» автора в русской литературе. Розановские догадки порой были ценнее пророчеств, заметил *С.А. Небольсин*. Так, например, его предсказание крушения социализма в России было, по мнению *С.Б. Джимбинова*, хронологически точным. В солнцепоклонничестве Розанова он усмотрел «наибольшее приближение к истине». Об элементах неоязычества в философии В.В. Розанова говорили на конференции *А.А. Ермичев* и *Н.В. Солнцев*. Религиозно-философские аспекты творчества В.В. Розанова получили освещение в выступлениях *П.П. Апрышко, А.Г. Гачевой*,

Н.И. Иконниковой, В.Л. Курабцева, В.В. Кравченко, И.М. Меликова, Р.М. Руповой.

Временное, конечное бытие человека, по мысли В.В. Розанова, таково, что оно по самой своей метафизической природе всегда с необходимостью продуцирует религиозность. Вклад В.В. Розанова в формирование «нового религиозного сознания» в России был связан с выявлением онтологических предпосылок религиозности, проявляющейся уже в семье как «священном явлении», отметил *А.В. Водолагин*. Розановская метафизика пола явилась конкретизацией той интуиции зерна-семени, которая получила категориальное оформление в первой книге В.В. Розанова «О понимании» и соответствовала аристотелевским понятиям «сущее в возможности» и «энтелехия». Философия семьи и брака была также проанализирована *А.В. Знатновым* и *А.И. Павленко*.

Таким образом, докладчикам удалось с достаточной полнотой охарактеризовать философские аспекты творчества В.В. Розанова, показав его связь с метафизической традицией и, вместе с тем, его новаторство в области постановки волнующих человечество вопросов жизни и смерти. Конференция стала значительным событием в интеллектуальной жизни современной России, свидетельствующим о философском пробуждении общества, уставшего от либерального пустозвонства последних двадцати лет, знаком духовного обновления через «возвращение к брошенному наследию».

Александр Водолагин